

УДК: 340

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИНИНГ «НОРМАТИВ-ҲУҚУҚИЙ ҲУЖЖАТЛАР ТЎҒРИСИДА» ГИ ҚОНУНИ (ЯНГИ НАШРДА) ЛОЙИҲАСИ БЎЙИЧА ЭКСПЕРТ ХУЛОСАЛАРИ

Хамедов Иса Ахлеманович,

юримдик фанлари доктори, профессор, марказ раҳбари

Халқаро ҳуқуқий тадқиқотлар ва қиёсий оммавий ҳуқуқ маркази,
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети

Аннотация. Мақолада Ўзбекистон Республикасининг «Норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар тўғрисида» ги қонунининг янги таҳрирдаги илмий экспертизаси натижалари бўйича унинг афзаллиги, камчиликлари ва хатолари тўғрисида шарҳлар, хулосалар ва таклифлар келтирилган. Шунингдек, мақолада норма ижодкорлиги фаолияти жараёнига муҳим эътибор қаратилган бўлиб, қонун лойиҳаси масаласининг мураккаблигини оширган ҳолда тартибга солиш предметини кенгайтириши асослантилган. Шу билан бир қаторда, муаллиф қонун лойиҳасида тартибга солиш предметини аниқ ифода этиши муҳимлигини қайд этиб ўтган.

Таянч тушунчалар: илмий экспертиза, норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар, мониторинг, таъсирни баҳолаш, қонун ижодкорлиги, қонун лойиҳаси, процедуралар.

ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРОЕКТУ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН «О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ» (В НОВОЙ РЕДАКЦИИ)

Хамедов Иса Ахлеманович,

доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра

Центр международно-правовых исследований и сравнительного публичного права
Университет мировой экономики и дипломатии

Аннотация. В статье даны замечания, выводы и предложения по результатам научной экспертизы проекта закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» в новой редакции. Отмечены его достоинства, упущения и недостатки. В статье обосновывается, что законопроект расширяет предмет регулирования, уделяя значительное внимание процедуре нормотворческой деятельности, повышая сложность законопроектной задачи. Вместе с тем автор считает, что в законопроекте следует более четко определить предмет законодательного регулирования.

Ключевые слова: научная экспертиза, нормативно-правовые акты, мониторинг, оценка воздействия, нормотворческая деятельность, проект закона, процедуры.

EXPERT COMMENTS ON THE DRAFT LAW OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN «ON REGULATORY LEGAL ACTS» (NEW EDITION)

Khamedov Isa Akhlemanovich,

Doctor of Law, Professor, Head of the Center

Center for International Legal Studies and Comparative Public Law
University of World Economy and Diplomacy

Annotation. The article provides comments, conclusions and suggestions on the results of the scientific examination of the draft law of the Republic of Uzbekistan «On regulatory legal acts» in the new edition; its advantages, omissions and shortcomings are noted. The article substantiates that the draft law expands the subject of regulation, paying considerable attention to the rulemaking procedure, increasing the complexity of the legislative task. However, the author believes that the subject of legislative regulation should be more clearly defined in the draft law.

Keywords: scientific expertise, regulatory legal acts, monitoring, impact assessment, standard-setting activities, draft law, procedures.

Введение

Давая научную оценку проекту закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» в новой редакции необходимо отметить, что он в отличие от действующего закона значительно расширяет предмет регулирования: помимо собственно нормативно-правовых актов (НПА), в нем значительное внимание уделяется процедуре нормотворческой деятельности, т. е. порядку планирования, подготовки, принятия нормативно-правовых актов, их исполнения, мониторинга и оценки воздействия.

Полагаем, что такое расширение предмета вполне оправдано с учетом задач, определенных Концепцией совершенствования нормотворческой деятельности. Вместе с тем, такое существенное расширение предмета закона значительно повышает сложность законопроектной задачи, требует соответствующего научного обоснования.

Основная часть

К достоинствам законопроекта можно отнести подробное определение предмета регулирования подзаконных актов: актов Президента Республики Узбекистан, Кабинета Министров Республики Узбекистан, ведомственных нормативно-правовых актов.

В то же время явным упущением представляется отсутствие столь же четкого определения предмета законодательного регулирования. Очевидной прерогативой законодателя, согласно мировой практике развитых правовых государств, является регулирование вопросов правового статуса (прав, обязанностей, ответственности) физических и юридических лиц. В проекте закона упускается возможность исправить этот существенный недостаток отечественного законодательства.

В представленном законопроекте заметна

попытка модернизировать и процедурно регламентировать нормотворческую деятельность. В нем упомянуты такие современные методики, как оценка регуляторного воздействия и антикоррупционная экспертиза. В то же время эта попытка не доведена до логического завершения. Правильная постановка задачи – не просто упомянуть новые методики и инструменты среди обязанностей разработчиков или видов возможных экспертиз, а разработать современную процедуру нормотворческой деятельности, которая обеспечила бы требуемые качество и эффективность регуляторной политики государства. Нельзя забывать о том, что оценка регуляторного воздействия – это организационно-правовая технология, предусматривающая совершенно определенные процедуры, организационные механизмы и стандарты. Ее необходимо заимствовать как целостный механизм, как сложную машину, а не по частям, да еще и в произвольном порядке. Если мы хотим обеспечить обоснованность нормативно-правового регулирования, учет мнений заинтересованной общественности, системность, качество и действенность законодательства, словом, «умное регулирование», мы должны кардинально улучшить процедуру подготовки нормативно-правовых актов на основе лучшего мирового опыта. Кстати, в 2017 г. этот опыт изучался, и соответствующие отчеты по ним имеются и могут быть при необходимости предоставлены разработчикам.

К сожалению, представленный законопроект должным образом не обеспечивает такого улучшения, поскольку не содержит механизмов, способных заместить сложившуюся практику законопроектной работы и подзаконного нормотворчества.

В законопроекте имеется, как было выше отмечено, обилие диспозитивных норм

и терминов неопределенного содержания, оставляющих существенные элементы процедуры (например, научную экспертизу) на усмотрение разработчика, усугубляют неопределенность новой редакции и повышают риски принятия очередного неработающего закона. Если так нечетко регулировать, то, скорее всего, сложившаяся практика будет идти своим чередом, а закон в новой редакции может остаться невостребованным. Это убеждает в том, что в реформировании процедуры нормотворческой деятельности необходимы решительные меры, а не полумеры.

К сожалению, не только в заимствовании зарубежного опыта, но даже в реализации Концепции совершенствования нормотворчества (далее – Концепция) допускается, на наш взгляд, половинчатость и непоследовательность. При этом явно не прослеживается выполнение требований Концепции о внедрении эффективного механизма принятия законов прямого действия. Нет ответа на вопрос: что же может переломить сложившуюся в переходный период тенденцию подмены законодательного регулирования подзаконным?

Принцип прямого действия законов должным образом не отражен в принципах, в предмете законодательного регулирования, в процедуре. Статья 22 о пределах подзаконного регулирования, притом, что прерогативы законодательного регулирования, на наш взгляд, четко не определены, – это слабое решение. Требование о том, что текст закона должен содержать механизмы прямого действия в статье 53 – это не решение, а лишь повтор задачи, поставленной Концепцией. Сам представленный законопроект, к сожалению, не соответствует этому требованию. В то же время новая редакция, напротив, воспроизводит не лучшие черты действующего закона, фактически ставя действие новых законов в зависимость от проводимой в связи с их принятием систематизации всего массива законодательства (см. статью 67 предлагаемой редакции и статью 23 действующего Закона). А ведь простой принцип автоматической утраты силы всеми подзаконными актами, не соответствующими новому закону, мог бы кардинально изменить ситуацию. К сожалению, в законопроекте такой механизм не предусмотрен.

Очевидно, что в условиях сложившейся практики правоприменения, ориентированной на подзаконные нормативно-правовые акты, необходимо в законе уделить гораздо больше внимания механизму преодоления такой порочной практики, подрывающей верховенство закона.

Нужны принципы и процедуры, которые обеспечат реальное игнорирование правоприменителем (административными органами и судами) подзаконных актов, не соответствующих Конституции и закону, и их своевременную выбраковку из правовой системы.

Принцип достаточности оснований для регуляторного вмешательства государства, прямо предусмотренный Концепцией, также не нашел удовлетворительного воплощения в предложенной редакции. Почему-то этот принцип даже среди принципов не упомянут. Вместо этого в законопроекте предлагается весьма расплывчатый и абстрактный принцип адекватности. Такой принцип не может изменить практику нормотворчества. Достаточность оснований требует не только закрепления в данном законе, но и соответствующего механизма, обеспечивающего прямое действие этого принципа.

Нужно сказать, что перечень принципов и определение их содержания представляется нам не совсем удачным. Задача создания современной эффективной процедуры нормотворческой деятельности требует закрепления совершенно иных принципов. К сожалению, разработчикам не удалось учесть научную доктрину в этом вопросе. Принцип научности, который предлагается в законопроекте, не реализуется.

В законопроекте упущено требование Концепции о создании действенного механизма конституционного контроля. Конечно, сам конституционный контроль не предмет закона «О нормативно-правовых актах», но данный закон носит основополагающий для системы права и законодательства характер, а поэтому не должен упускать возможности создать важные условия и предпосылки для формирования эффективного конституционного контроля в стране. Для этого достаточно было бы предусмотреть процедуру приостановления действия спорного НПА до его конституционной проверки.

Проект закона дополняется статьей 8 «Принцип гласности». Важно отметить, что НПА, принимаемые органами государственной власти на местах (хокимиятами), нередко противоречат данному принципу. Решения часто принимаются без обсуждения с широкой общественностью, проекты решений не публикуются на Едином портале, отсутствуют четкие административные барьеры и процедуры по вопросам принятия таких решений, в т. ч. в связи с тем, что отсутствует норма об обсуждениях проектов решений органов государственной власти на местах. Из этого можно заключить то, что отсутствует общественный контроль. Так, например, хокимы нередко принимают решения, напрямую влияющую на жизнь и интересы граждан, юридических лиц и их предпринимательскую деятельность. В связи с этим предлагается четко установить перечень нормативно-правовых актов, в данном случае решения хокимов городов, областей и районов, которые подлежат обязательному обсуждению на Едином портале по вопросам, непосредственно затрагивающим права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц.

Внедрение требования подготовки проектов НПА на государственном языке в условиях, когда вся законопроектная и нормотворческая практика многие десятилетия систематически опирается на русскоязычный юридический научно-терминологический аппарат, несомненно, связано с серьезными трудностями для разработчиков и последствиями для правовой системы в целом. Ведь источники, которыми пользуются разработчики, в основном на русском языке, да и теория, и терминология, которыми пользуются специалисты в министерствах, ведомствах, тоже пока русскоязычные, и опыт работы над ключевыми для административного права законами полностью подтверждает этот тезис. Поэтому подготовка кадров государственного аппарата для нормотворческой работы на государственном языке потребует должной институциональной подготовки. Необходима серьезная работа в сфере науки и образования прежде, чем этот вопрос можно решить без ущерба для качества нормотворческой деятельности. Словом, полагаем, что нельзя недооценивать сложность реализации предложенной меры.

Считаем пора подвести современную научную базу под нормотворческую деятельность, учитывать доктрину правового государства. Этого требуют задачи, которые поставлены руководством страны в концептуальных выступлениях и документах. В новой правовой основе нуждается наша растущая экономика, инвестиционный климат и население, которое верит провозглашенным лозунгам о приоритетности интересов человека.

С учетом вышеизложенных замечаний считаем, что законопроект нуждается в некоторой доработке. Прежде всего, необходимо учесть научные основы нормотворческой деятельности и регуляторной политики, а также лучшего мирового опыта в этой области. Ориентироваться на Беларусь и Азербайджан, при всем уважении к этим странам, явно недостаточно для потребностей реформы в нашей мощной, динамично развивающейся стране.

При экспертной оценке норм проекта закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» (в новой редакции) мы основывались на передовом зарубежном опыте антикоррупционной экспертизы законодательства, а также основных организационно-правовых и методических положениях и требованиях института антикоррупционной экспертизы нашей страны с учетом ее дальнейшего развития. Исходили из того, что антикоррупционная экспертиза законодательства представляет собой проверку действующего и разрабатываемого законодательства на предмет наличия коррупционных рисков, а также выработку рекомендаций по их устранению.

Предмет антикоррупционной экспертизы в большинстве стран одинаков. Есть небольшие различия в официальной терминологии, но по содержанию в основном имеется в виду одно и то же – анализ актов законодательства или их проектов на предмет наличия недостатков формы или содержания, создающих риски коррупции, коррупционные факторы. При этом максимальная эффективность антикоррупционной экспертизы возможна лишь при охвате всего законодательства, как действующего, так и проектов новых НПА и всех поправок. Она должна включать все виды НПА на всех уровнях государственной власти и управления. Учитывая присущий антикор-

рупционной экспертизе комплексный подход к оценке правового регулирования, только при полном охвате законодательства можно по-настоящему увидеть ее благотворный эффект.

Выводы

Основываясь на вышеизложенном, общепринятых организационно-правовых и методических основах антикоррупционной экспертизы законодательства, результатах анализа норм законопроекта «О нормативно-правовых актах» в новой редакции на их антикоррупционность, можно сделать следующие выводы, замечания и предложения.

1. Антикоррупционная экспертиза на данный момент в нашей стране законодательно внедрена в рамках правовой экспертизы проектов нормативно-правовых актов. Вместе с тем исходные правовые основания, заложенные Постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-1602, предусматривают более широкую сферу ее применения, охватывающую и действующее законодательство. Эта функция осуществляется сегодня, прежде всего, Министерством юстиции на основании своей компетенции в области правовой политики. И ничего не мешает развивать этот институт как в плане охвата законодательства, так и в смысле полноценного участия в антикоррупционной экспертизе законодательства всех административных органов, тем более, что задачи, поставленные руководством страны перед Министерством юстиции, подразумевают возможность институционализации «зрелой» модели антикоррупционной экспертизы. Тем более, что в ходе мониторинга исполнения Стамбульского плана действий Узбекистану было официально рекомендовано «установить законодательное требование об обязательном проведении антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов; утвердить порядок, регулирующий процедуру проведения такой экспертизы и дальнейшие действия в случае выявления положений, способствующих созданию почвы для коррупции».

В рамках выполнения своих функций Министерство юстиции фактически уже проводит антикоррупционную экспертизу действующего законодательства. Остается лишь

полноценно ее институционализировать так, чтобы антикоррупционная экспертиза получила самостоятельный статус, не ограниченный рамками правовой экспертизы проектов НПА, и проводилась в отношении действующего законодательства на систематической основе при участии всех административных ведомств по единой официально утвержденной методике с полноценным анализом на предмет всех известных коррупционных рисков и четкой процедурой рассмотрения и учета ее рекомендаций.

Такая модель антикоррупционной экспертизы позволит целенаправленно и последовательно совершенствовать действующее законодательство, систематически устраняя существующие пробелы и дисбалансы. Разумеется, такое развитие института антикоррупционной экспертизы потребует значительного усиления ее организационных мощностей. Действующего механизма правовой экспертизы Министерства юстиции будет уже недостаточно. Необходимо будет обеспечить создание вокруг Министерства юстиции межведомственной сети антикоррупционной экспертизы за счет налаживания внутриведомственной антикоррупционной экспертизы во всех административных органах и эффективного межведомственного взаимодействия в этой сфере.

Подлинное расширение организационной структуры антикоррупционной экспертизы произойдет лишь только тогда, когда ведомственные юридические службы под руководством Министерства юстиции начнут систематическую антикоррупционную экспертизу действующего законодательства в подведомственных отраслях и сферах государственного управления. Результаты экспертиз должны регулярно представляться в Министерство юстиции для обобщения и анализа. Министерство юстиции на основе сводной аналитики должно готовить актуальные и обоснованные предложения по совершенствованию законодательства.

2. Однако расширение организационного механизма до межведомственной сети требует соответствующего правового оформления. Юридическое оформление зрелой модели антикоррупционной экспертизы должно быть осуществлено в законодательном порядке с

более полной, подробной регламентацией в специальной (отдельной) главе законопроекта или в нескольких развернутых его статьях, определяющих его как самостоятельный вид экспертизы, а не в качестве составляющей правовой экспертизы, подчеркивая при этом его обязательный характер.

Иными словами, антикоррупционную экспертизу законодательства необходимо вывести на уровень самостоятельного правового института: предмет коррупционной экспертизы, риски (факторы), организационные вопросы, процедуру и методику целесообразно регламентировать постановлением Кабинета Министров, а законодательные основы – законодательным актом (законом «Об антикоррупционной экспертизе законодательства», Законом «О противодействии коррупции» [1] или в новой редакции Законом «О нормативно-правовых актах»), принятие которого увенчало бы все усилия по институционализации антикоррупционной экспертизы в Узбекистане. Лишь полноценное оформление антикоррупционной экспертизы как правового института и института законодательства позволит реально достичь максимальной эффективности ее применения в совершенствовании законодательства и антикоррупционной политике.

3. В рассматриваемом законопроекте, на наш взгляд, необходимо предусмотреть отдельную статью, посвященную экспертизе действующих нормативно-правовых актов. Поскольку статьи 43, 44 и 46, относящиеся к антикоррупционной экспертизе, касаются в основном проектов НПА, а не действующих актов.

4. В разработанной в Республике Узбекистан классификации коррупциогенных факторов и изложенной в Методике проведения антикоррупционной экспертизы проектов НПА предусмотрены коррупционные факторы, сгруппированных в три категории: факторы, связанные с административным усмотрением (10 факторов); факторы, связанные с несоразмерным обременением заинтересованных лиц (4 фактора); факторы, связанные с пробелами правового регулирования (8 факторов). Хотя данная методика содержит обширный перечень коррупционных рисков достаточно удобный для их

классификации, вместе с тем дальнейшее развитие антикоррупционной экспертизы действующего законодательства и последовательная интеграция этого института в национальный антикоррупционный механизм располагают к дополнению указанного перечня новыми коррупционными рисками, причем преимущественно содержательного характера. В связи с этим полезно было бы, на наш взгляд, отразить в законопроекте перечень типичных факторов злоупотребления систематического характера в статьях об НПА.

5. В законопроекте имеется, как пример несоответствия требованиям антикоррупционной экспертизы, обилие диспозитивных норм (по формуле «вправе», «могут быть», «может»), в частности, статьи 36, 37, 39, 48, 49, и терминов неопределенного содержания (например, «ситуационный анализ», статья 33).

В статье 39 устанавливается, что проект НПА по решению разработчика или органа, его принимающего, может быть подвергнут правовой, экономической, финансовой, научной, государственной, экологической, антикоррупционной, а также иным видам экспертиз. В данном контексте слово «может» оставляет право такого решения за разработчиком. В связи с чем предлагается установить обязательную антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов. Обязательность антикоррупционной экспертизы НПА также не установлена статьей 43 «Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов».

1 часть статьи 37 после слова «разработчик» предлагается дополнить словом «обязан». Данное дополнение устанавливает в первую очередь императивность нормы для самого разработчика. В связи с предлагаемым изменением необходимо внести редакционные изменения во всю статью проекта.

6. В статье 66 «Приостановление и прекращение действия нормативно-правового акта» устанавливается, что действие НПА или его части может быть приостановлено органом, принявшим его, либо его вышестоящим органом на определенный срок или до наступления определенного события. Однако не установлен конкретный перечень причин,

по которым возможно такое приостановление и прекращение, что создает коррупционные возможности в случае неустановления четкого регламента данных процедур и причин принятия подобного решения.

7. Целесообразно было бы также в проекте закона в качестве специального уполномоченного органа антикоррупционной экспертизы законодательства, наряду с органами юстиции, определить также Генеральную прокуратуру, учитывая ее особую, значительную роль в антикоррупционной деятельности, как это сделано в Российской Федерации, и Институт проблем законодательства и парламентских исследований при Олий Мажлисе Республике Узбекистан, а также предусмотреть в законопроекте об НПА возможность допуска ограниченного участия гражданского общества в антикоррупционной экспертизе.

8. Ограничение, введенное частью 5 статьи 33, предлагается исключить в связи с тем, что одним НПА может быть предусмотрено принятие другого, который не включен в программу. Также если оставить эту норму в этой редакции, то необходимо указать последствия несоблюдения (нарушения) данной нормы, т. е. установить ответственность.

9. Государственной программой, утвержденной Указом Президента Республики Узбекистан от 22 января 2018 года № УП–5308, предусмотрена разработка порядка общественного обращения в палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, областные, районные и городские Кенгаши народных депутатов через специальный веб-портал «Mening fikrim». В связи с этим необходимо дополнить статью 34 «Инициирование разработки нормативно-правового акта» нормой о том, что инициирование разработки нормативно-правового возможно путем коллективного обращения граждан через сайт «Mening fikrim» в случае, если оно набрало более 10 000 голосов поддержки граждан.

10. Часть 9 статьи 37 проекта говорит о том, что разработчик определяет перечень государственных органов и иных организаций, компетенцию которых затрагивает проект НПА. Однако важно отметить то, что на практике разработчик не всегда правильно

составляет (иногда намеренно, в целях ускорения согласования) перечень государственных органов и иных организаций, компетенцию которых затрагивает разрабатываемый проект НПА. В этой связи, учитывая, что вводится порядок электронного согласования проектов НПА, необходимо направлять проект всем министерствам, ведомствам и организациям (можно утвердить перечень, вроде утвержденного Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 22.12.2017 г. № 1013). А также дополнить интерфейс программы функцией: «не входит в компетенцию ведомства».

11. Статьей 12 Гражданского кодекса Республики Узбекистан установлено, что акт государственного органа или органа самоуправления граждан, не соответствующий законодательству и нарушающий гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, может быть признан судом недействительным.

Статью 30 часть 6 проекта предлагается дополнить словами «и судами». В случае, если не дополнить данную норму «судами», то может быть нарушена фундаментальная система сдержек и противовесов, что ограничит права граждан. Важно заметить, что в статье 44 Конституции Республики Узбекистан установлено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, право обжалования в суд незаконных действий государственных органов, должностных лиц, общественных объединений. Статьей 114 Конституции Республики Узбекистан установлено, что акты судебной власти обязательны для всех государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан. В Законе Республики Узбекистан «О судах» статьей 9 установлено, что граждане Республики Узбекистан, иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на судебную защиту от любых неправомерных действий (решений) государственных и иных органов, должностных лиц, а также от посягательств на жизнь и здоровье, честь и достоинство, личную свободу и имущество, иные права и свободы. Право на судебную защиту имеют также предприятия, учреждения и организации.

Источники и литература

1. О противодействии коррупции: Закон Республики Узбекистан № 3 РУ-419 от 3.01.2017.
2. О судах: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-162-II от 14.12.2000.
3. О нормативно-правовых актах: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-342 от 24.12. 2012.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Закон РФ № 172-ФЗ от 17.07.2009.
5. О нормативно-правовых актах: Конституционный закон Азербайджанской Республики № 304-VKQD от 30.09.2016.
6. О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годы в «Год поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий»: Указ Президента Республики Узбекистан № УП–5308 от 22.01.2018 г.
7. О мерах по реализации Закона Республики Узбекистан «О распространении правовой информации и обеспечении доступа к ней»: Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 1013 от 22.12.2017 г.
8. Отчет о мониторинге в рамках Стамбульского плана действий Сети по борьбе с коррупцией для стран Восточной Европы и Центральной Азии ОЭСР.

Рецензент: Гафурова С.А., доктор философии по юридическим наукам, второй секретарь МИД Республики Узбекистан